

ПРИЗРАК САХАРЫ

УРАДА МУСУ

16+

Ирада Нури
Призрак Сахары

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Нури И.

Призрак Сахары / И. Нури — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-93020-9

События книги разворачиваются на фоне колониальной войны во французской Алжирии. 1903 год. В погоне за своей мечтой, молодожены из Америки Виктор и Шарлиз Баттон, ставшие случайными обладателями арабского скакуна, принимают решение участвовать в конных скачках по Сахаре. Но, пустыня крайне сурова к чужестранцам, и очень скоро, всё пошло совсем не так, как планировалось. Виктор погибает, а Шарлиз похищают и продают в гарем жестокого шейха Харуна бин Халиль. Удастся ли девушке спастись, и какую роль во всём сыграет неуловимый разбойник, прозванный легионерами за свою таинственность - «Месье Фантом», вы сможете узнать, прочитав роман Ирады Нури «Призрак Сахары».

ISBN 978-5-532-93020-9

© Нури И., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ирада Нури

Призрак Сахары

От автора:

Данное художественное произведение является вымыслом автора и любые совпадения с реальными историческими событиями и персонажами, не более чем случайность.

Пролог

– Чери! – Рой нетерпеливо поднимался по лестнице на верхний этаж. – Куда она опять запропастилась?

– Ноэль, ты не видел маму? – Спросил он трёхлетнего карапуза, устроившегося на верхней ступеньке. В руках мальчонка держал весьма потрёпанного на вид медвежонка. Где он его только откопал?

– Мама там! – Пальчик ребёнка показал наверх.

Так, всё понятно. Опять она на чердаке. Вечно её туда тянет...

Рой, ловко перешагивая через две ступеньки, мигом забрался в пыльное помещение. Уловив краем глаза движение в углу, он облегчённо вздохнул:

– Вот, ты где. Милая, машина ждёт внизу. Пора ехать.

Жена не отвечала. Уткнувшись в какую-то старую тетрадку в потрёпанном кожаном переплёте, она читала её содержимое с таким упоением, не видя и не слыша никого вокруг, словно от этого зависела её жизнь.

– Алло, Чери, ты слышишь меня? Пойдём уже. В конце концов, это ведь не навсегда, – продолжал уговаривать Рой. – Вот сделаем ремонт, кое-что снесём, что-то достроим, и, ты сможешь копаться в своём хламе сколько твоей душе будет угодно. Чери! Ау! Это уже не смешно!

Мужчина приблизился к жене и решительно положил руку ей на плечо. Молодая женщина вздрогнула как от удара:

– Рой? Ох, как же ты меня напугал! Ты просто не поверишь, что я нашла! – Глаза Чариз блестели как звёзды и Рой, глядя на неё, невольно залюбовался. Несмотря на то, что они знакомы почти всю жизнь, он так и не привык к её экзотической красоте. Волосы цвета красного дерева и тёмные, словно омуты глаза, не совсем типичные для выходцев из Новой Англии. Её красота была скорее неуловимо восточной. Даже их сын Ноэль, и тот, кроме синих отцовских глаз, всю внешность унаследовал от матери.

– Что же ты такого важного нашла, раз совершенно потеряла связь с окружающим миром? – В глазах мужа сквозила нежность.

Глубоко вздохнув, Чариз сунула ему под нос книжицу, которую до этого крепко сжимала в руках:

– Знаешь, что это такое? – И, видя полный недоумения взгляд мужа, продолжила: – Дневник Шарлиз Деринджер, моей прапрабабки. Этот дом, – Чери развела руки в стороны, – она построила вместе с моим дедом. Отец часто рассказывал нам с Алексом о том, что невероятную любовь к лошадям он унаследовал именно от прабабушки. Она была просто невероятной женщиной!

– Ну, насчёт этого, могу поспорить, – Рой нежно поцеловал жену в макушку. – Самая потрясающая женщина – это ты.

Чери зарделась:

– Допустим. Но ты, только прочти это!

В тусклом свете пробивающимся сквозь крошечное чердачное оконце, Рой бросил взгляд на строчки, написанные красивым изящным почерком:

"Дорогой дневник!

Словами не передать как же я потрясена. Виктор Баттон сделал мне предложение! Разве может быть что-то более удивительное? Мы выросли в одном приюте и, с самого детства были не разлей вода. Сколько я себя помню, Виктор всегда был рядом: делился со мной едой, чинил мою одежду, а однажды даже вступил в схватку с мерзкой мисс Донахью, с требованием чтобы она не обрезала моих кос. Правда, силы были не равны, и мне, как и всем воспитанницам приюта коротко остригли волосы.

Оглядев тогда меня, ревушую белугой, со всех сторон, Вик с умным видом изрёк:
– Ты похожа на мальчишку. Отныне я буду звать тебя Чарли.

За что сразу же получил в глаз. Но, к сожалению, это ничего не изменило. С того самого дня Шарлиз для него навсегда превратилась в Чарли...

Вик всегда имел склонность к точным наукам и старался получать знания отовсюду, откуда было хоть чуточку возможно их получить. И вот однажды, когда он возвращался в приют после выполнения очередного поручения мисс Донахью, он стал свидетелем того, как маленькая пушистая собачонка сорвалась с поводка какой-то важной дамы, и пытаясь перебежать улицу вслед за мохнатой дворнягой, случайно угодила под колёса проезжавшего экипажа. Бедняжка сильно поранилась. На душераздирающие крики и причитания хозяйки несчастного животного сбегалась целая толпа зевак. Никто не пытался помочь. Вместо этого люди делали ставки на то, через сколько минут собачка издохнет. Только Вик, у которого было отзывчивое доброе сердце не побоялся протиснуться сквозь толпу и броситься к лежащему на земле животному. Он делал всё возможное чтобы остановить кровь до тех пор, пока к нему не присоединился вызванный кем-то ветеринар. Вдвоём они смогли спасти жизнь собачке.

Мужчина был в восторге от такого помощника и даже выразил сожаление по поводу того, что всегда мечтал о таком ассистенте, но до сих пор никак не находил. На это благодарная владелица животного ответила тем, что вызвалась оплатить обучение мальчика, если ветеринар захочет взять его к себе в ученики.

Время шло. Вик всё свободное время проводил за книгами, лишь изредка вспоминая о моём существовании. Казалось, он был одержим идеей стать врачом

И вот, как раз вчера, все мы праздновали получение им диплома ветеринара. Подумать только, приютский сирота стал дипломированным специалистом!

Чуть позднее, когда все начали расходиться, Вик отозвал меня в сторону и попросил стать его женой. Ни минуты, не раздумывая я согласилась. А как же иначе? Мне почти восемнадцать. Очень скоро придётся покинуть стены ставшего уже родным приюта и, оказавшись совершенно одной в жестоком мире, искать себе крышу над головой и пропитание. Многие девушки, вышедшие из стен нашего заведения, вынуждены были заниматься проституцией, лишь бы не умереть с голоду. Их судьбы пугали меня. Я не хотела такого для себя.

Если подумать, Вик был для меня всем: отцом, старшим братом, другом, защитником. Не уверена, достаточно ли моей сестринской любви и привязанности для брака, но я буду очень стараться и сделаю всё возможное, чтобы не быть ему в тягость. А когда мы скопим достаточно денег, то сможем осуществить наше общее заветное желание: построить дом мечты! Он будет огромным и красивым, с большим количеством комнат. В нём никогда не будет холодно. А ещё там будут расти наши дети, которым мы подарим всю нашу родительскую любовь...

Глава 1

Новая Англия, 1903 год.

– Чарли! Чарли, выходи скорее! Ты только погляди! – Взволнованный голос Вика раздавался во дворе.

Я стирала бельё в большом тазу. Бросив рубашку обратно в мыльную воду, я, вытерев руки о повязанный на талии фартук, выскочила за дверь.

Прошло уже два года с тех пор как мы поженились и переехали жить в Провиденс, штат Род-Айленд. Здесь у Вика была довольно значительная практика. А всё благодаря мистеру Лиаму Гастингсу, занимающемуся разведением редких пород лошадей. За хороших рысаков платили бешенные деньги. Забеги и скачки приносили весьма солидный доход, что позволяло мистеру Гастингсу чувствовать себя едва ли не хозяином города.

Знания и энтузиазм Вика были просто неоценимы. Желая всегда иметь при себе специалиста такого уровня, мистер Гастингс оказался настолько любезен, что предоставил нам в неограниченное пользование крошечный коттедж, ранее принадлежавший приходскому священнику. Со временем приход всё уменьшался и, вскоре, священник с семьёй вынуждены были переехать в места, где их услуги могли понадобиться больше, чем здесь.

Никогда прежде не имеющие собственного угла, мы радовались новому жилью как сумасшедшие. Однако, несмотря ни на что, оно всё равно оставалось чужим. Мечта о собственном доме никогда не покидала нас, заставляя экономить буквально на всём, чтобы хоть немного приблизиться к заветному желанию.

– Чарли! Ну, где ты там?

– Иду, – отозвалась я.

Волнение в голосе мужа стало передаваться и мне. Как странно... Что такого могло произойти, чтобы обычно флегматичный Вик начал вести себя подобным образом?

Завернув за угол, я обомлела. Под небольшим навесом, частенько используемым мной для сушки белья в дождливую погоду, прямо на разостланном сене неподвижно лежала лошадь.

– Вик, откуда она?

Не в силах справиться с изумлением, я склонилась над животным, которое услышав мои шаги, слегка поводя ушами, подняло голову. Большие, умные глаза смотрели прямо на меня.

Темно-гнедого окраса, с более тёмной, почти чёрной гривой, животное было настолько прекрасным, что захватывало дух. Однако приглядевшись внимательнее, на словно бархатной шкуре я заметила следы от жестоких побоев, нанесённых каким-то извергом.

Не передать словами, что я почувствовала в тот миг. Вся нежность, годами копящаяся в душе, вылилась на несчастное животное. Опустившись перед ним на колени, я робко провела ладонью по слегка подрагивающему крупу. Лошадь отзывалась на каждое моё прикосновение.

– Чарли, ты только посмотри, – от волнения голос Вика охрип, – он реагирует на тебя. Ты ему понравилась.

– Но, откуда он? Кто сотворил с ним такое? – Спазмы сдавили горло.

– Это арабский скакун. Его недавно привезли мистеру Гастингсу из Саудовской Аравии, за просто-таки сумасшедшую сумму. Но, животное оказалось норовистым и совершенно неприспособленным к тем физическим нагрузкам, которым обычно подвергают будущих чемпионов. Старик Фрэнку было поручено заниматься с ним. А тот, известный своим садистским обращением с животными, довёл несчастного скакуна до полного истощения. Негодяй ещё и ногу ему травмировал.

– Он умрёт? – Комок в горле мешал говорить.

– Из-за отёка сложно определить насколько серьёзна травма, – по детской привычке Вик почесал затылок.

– Но, ты ведь вылечишь его? – Надежда, звучащая в голосе, удивила меня саму. Вот уж не думала, что могу привязаться к кому-нибудь буквально с первых же секунд.

– Да уж придётся. И знаешь, почему? – У Вика был подозрительно хитрый вид.

– Нет. А что?

– А то, что мистер Гастингс отдал коня мне. Он так и сказал: "Забирай этот никчёмный кусок мяса себе. Всё равно теперь от него не будет никакого толка. А о скачках вообще можно забыть".

– Всё так серьёзно? – Мне было жаль.

– Не уверен. Вот спадёт отёк, тогда точно и определим, разрыв там или же незначительное растяжение. В любом случае, он теперь наш. Я очень рассчитываю на твою помощь по уходу. Коню, как и человеку, очень нужны забота и внимание.

Вик мог бы мне об этом не говорить. Моих чувств к животному невозможно было передать словами. Я дала себе слово, что в лепёшку расшибусь, а сделаю всё возможное, чтобы конь стал таким, каким был прежде.

Шли дни, недели, месяцы. Диагноз, поспешно поставленный хозяевами коню, не подтвердился. Растяжение, которое изначально приняли за разрыв связок, постепенно прошло. Благодаря нашей особой заботе и уходу, Мухиб, что в переводе с арабского означает – "Великолепный", вернулся в прежнюю форму.

Опасаясь, что прежний хозяин, узнав о том, что конь абсолютно здоров, захочет его у нас забрать, было решено переехать куда-нибудь в другое место. После не слишком долгих поисков, Вику удалось снять недорогое жильё в пригороде Ричмонда.

Здесь было довольно развито сельское хозяйство, и специалисты профиля Вика ценились на вес золота. Просторные поля и равнины стали любимым местом для наших с Мухибом прогулок. Словно подгоняемые самим дьяволом, мы без усталости носились по округе, пока, однажды, нас не свела судьба с одним пожилым господином, представившимся как мистер Джонсон.

Это был тщедушный старичок с остренькой седой бородёнкой и очень внимательными, глубоко посаженными карими глазами. Одет он был довольно опрятно в коричневый костюм и светлую сорочку в тонкую полоску.

Увидев Мухиба в действии, он был поражён скоростью, которую тот, без напряжения, развивал.

– Миссис Баттон, – обратился он ко мне. – Вы себе и представить не можете, обладателем какого сокровища являетесь. Такие скакуны как ваш Мухиб, относятся к виду кохейлан-сиглави, а они большая редкость и не только в Штатах, но и на территории самой Аравии, своей родины. Вы уж поверьте старику, которому на своём веку немало довелось повидать.

Чего уж греха таить, мне было весьма приятно слышать такое про своего любимца. Узнав, что когда-то мистер Джонсон занимался тренировкой лошадей, я, за весьма неплохое вознаграждение, уговорила его заняться физической формой скакуна.

Глава 2

Жизнь на новом месте казалась не такой уж и плохой, если бы не два обстоятельства, весьма огорчающие меня и заставляющие частенько проливать слёзы. Первое – это то, что мне до сих пор, никак не удавалось забеременеть. Несмотря на то, что мы с Виком безумно мечтали о малыше, пока это оставалось лишь мечтой, расстраивая меня каждый раз при виде какого-нибудь карапуза на руках матери.

Ну, а второе – то, что в последнее время, мой "араб" стал привлекать к себе чересчур пристальное внимание окрестных жителей. Благодаря мистеру Джонсону мой любимец физически очень окреп и с некоторых пор развивал просто невероятную скорость. Как ни странно, но старичку едва ли не с первых секунд знакомства удалось завоевать доверие Мухиба. Относившийся с подозрением ко всем людям, конь доверчиво принимал знаки его внимания.

Мы не имели возможности нанять профессионального жокея, поэтому его обязанности пришлось временно взять на себя самой. Будучи невысокой и достаточно худощавого телосложения, я являлась идеальным седоком для норовистого коня, который кроме меня, мистера Джонсона, и лишь изредка Вика, никому не позволял к себе прикасаться. Видать моральная травма, оставленная прежним хозяином, была чересчур сильна для несчастного животного.

Но, речь сейчас не о том...

Вот уже около недели, я стала замечать за нами с Мухибом частую слежку. За забором, возле небольшой пристройки, которую мы отвели под мини-конюшню для нашего любимца, постоянно околачивались какие-то типы, исчезающие прежде, чем мы успевали добежать.

Почёсывая седину мистер Джонсон, добровольно вызвавшийся и ночами оставаться возле коня, говорил:

– Душенька, вы уж поверьте на слово старому еврею, не к добру это всё. Ох, не к добру.

И это несмотря на то, что сам в последнее время загадочно себя вёл. Постоянно отлучался в город, ждал каждого появления почтальона так, словно от него зависела вся его жизнь.

Прошла неделя. Тревога постепенно улеглась. Близился День Благодарения. Для нас, приютских сирот, этот праздник был особенно долгожданным. Запекая огромную индейку и сервируя стол, я в приподнятом настроении носилась по домику, когда внезапные крики, а затем и раздавшиеся следом выстрелы, заставили меня сорваться с места и выскочить во двор. Привлечённые шумом, стали сбегаться жители окрестных домов.

На земле возле конюшни лежал мистер Джонсон, зажимая рану на груди, из которой сочилась кровь. Ружьё, с которым он всё последнее время почти не расставался, валялось рядом.

– Мистер Джонсон! Что произошло? – Я бросилась к старику.

Как назло, Виктор ещё не вернулся, и я понятия не имела, как подступить к подобной ране. Предупреждая мои действия, старик, преодолевая боль, проговорил:

– Не нужно, душенька. Всё в порядке. Коня пытались похитить, и в этот раз мне удалось прогнать их. Но, кто знает, возможно, в следующий раз им удастся сделать своё грязное дело. Вам нужно бежать. Срочно! Берите коня и уезжайте пока не поздно.

Слёзы жгли глаза. Рядом опустился на колени подбежавший Вик. Ему хватило нескольких секунд, чтобы понять: старику уже ничем не помочь.

– Миссис Баттон, – голос умирающего слабел, – вот, здесь... письмо... возьмите его. Оно... для вас... – Дрожаящими, непослушными руками, он сунул мне в руку смятый конверт. – Это ваш шанс...

Тело дёрнулось, и затихло. Остановившийся взгляд яснее всяких слов дал понять, что мистера Джонсона с нами больше нет.

– Нет! Пожалуйста, нет!

По мере того, как шок проходил, рыдания рвались наружу. Почувствовав, как что-то ткнулось мне в плечо, я подняла залитое слезами лицо вверх. Мухиб. Уткнувшись в шею любимца, уже не стесняясь, разрыдалась в голос.

Три дня спустя старика Джонсона похоронили. Денно и ночью Вик на пару с соседом несли вооружённую вахту возле коня, но похитители пока не объявлялись.

В связи со стремительно развивающимися событиями, я совершенно забыла о письме, которое мне передал умирающий. Сейчас же, сидя в деревянной качалке на крыльце домика, я, наконец, развернула его.

Смысл написанного не сразу дошёл до меня. Тряхнув головой и несколько раз проморгавшись, я вновь уставилась в написанные явно мужской рукой строчки:

"Мистер Гешрон Джонсон.

Комитет рассмотрел заявку, и, учитывая ваши прежние заслуги, одобрил её. Ваша команда допускается к участию в международном забеге, который пройдёт через два месяца в городе Бискара, что во Французской Алжирии. С вашей стороны надлежит в течение недели после получения письма подтвердить своё участие и предоставить данные о составе вашей команды. Напоминаем, что в случае победы, победитель получает в переводе на нашу валюту, приз в сорок пять тысяч долларов, из которых двадцать процентов будут перечислены организационному комитету.

С уважением, Председатель комитета конного спорта, мистер Алан Эберхайм"

Забег? Скачки? Я ничего не понимала. Но, постепенно смысл произошедшего стал доходить до меня. Это в ожидании сего письма мистер Джонсон носился как наседка, не пропуская ни одного визита почтальона. "Это ваш шанс", – сказал он мне тогда.

День клонился к вечеру, а я по-прежнему сидела в кресле, сжимая в кулаке заветный клочок бумаги. Заслышав шаги приближающегося Вика, я поднялась:

– Он прав! Это, действительно наш шанс!

– С кем это ты говоришь? – В голосе мужа сквозило беспокойство.

Бросившись ему на шею, я впервые за последние дни облегченно рассмеялась:

– Он дал нам шанс, понимаешь? Теперь, всё будет замечательно!

Глава 3

– С ума сошла? Как тебе вообще могло такое прийти в голову? О чём вы со стариком вообще думали?

Голос мужа, ещё никогда до этого раза не срывался на крик. Чувствовалось, что он уже на пределе. Но, я не могла стоять и спокойно смотреть на то, как его нерешительность грозит разрушить все наши мечты.

– Вик, милый, да пойми же, у нас, по сути, и выбора-то особого нет. Те, кто пытался украсть Мухиба, непременно вернуться. Кто, по-твоему, будет следующим после Джонсона? Ты? Или я? Неужели ты не понимаешь, что нам в любом случае нужно отсюда уезжать. И куда мы отправимся? У нас нет ни денег, ни связей, да ещё и конь редкой породы, постоянно привлекающий к себе не нужное внимание. И не смотри на меня так, – я ткнула пальцем ему в грудь. – Я ни в коем случае не соглашусь его продать. Слышишь? Ни за что!

Пыл Виктора постепенно пошёл на спад. Мои слова не были для него откровением, они отражали лишь реальную обстановку. Нам нужно уехать.

Мысли мужа были написаны на его лице. Он устал. Снова переезд, устройство на новом месте, начинание всего с нуля. Всё это чрезвычайно выматывало. Он мечтал о другом: тишине, покое, большом собственном доме, куче ребятишек и солидной практике. Я понимала и старалась поддержать его, поэтому выдвинула последний козырь:

– Дорогой, ты только подумай. В случае выигрыша у нас будет целая куча денег. Мы сможем построить дом, о котором всегда мечтали. Старик Джонсон верил в Мухиба, поверь и ты!

Колебания на его лице постепенно уступили место решимости:

– Чарли, ты действительно этого хочешь? Пойми, пути назад уже не будет.

– Милый, мы справимся. Клянусь тебе, у нас всё получится!

Мы стояли в вестибюле Комитета и ожидали, когда мистер Эберхайд примет нас. Симпатичная, средних лет секретарша, окинув мимолётным взглядом Вика, сосредоточила своё внимание на моей персоне. Оценивающе окинув взглядом с головы до ног, она, томно улыbnувшись и положив ногу на ногу, откинулась на стуле. Призыв в её глазах говорил яснее любых слов и, я бы непременно расхохоталась, если бы не вынуждающие сдерживаться обстоятельства. Вик, заметивший такую перемену в поведении женщины, лишь хмыкнул, и деликатно загородил меня собой.

Не тут-то было. Обойдя заграждение в виде моего спутника, она, ничуть не смущаясь, обратилась ко мне лично:

– Молодой человек, могу ли я предложить вам чего-нибудь?

Преодолевая смех, я уже было приготовилась предложить ей исчезнуть, как дверь отворилась, и мистер Эберхайд появившись на пороге, лично завёл нас в кабинет. Пожав плечами на разочарованный взгляд женщины, я вошла вслед за мужчинами.

Пока муж и председатель обсуждали детали предстоящего турнира, я украдкой кинула взгляд на своё отражение в небольшом зеркале в золочёной раме, висевшее на ближайшей ко мне стене.

Готовясь к сегодняшней встрече, мне пришлось до неузнаваемости изменить весь свой облик. Женщинам не позволялось участие в таких соревнованиях, как международные конные скачки. И, если вдруг раскроется наш обман, то дисквалификация последует незамедлительно.

Помню, как в приютские времена я мечтала о длинных косах, но, к сожалению, для профилактики появления у нас вшей, всех девочек нещадно стригли "под тифозных". В эту минуту глядя на отросшие ниже плеч белокурые локоны, которые считала своим главным украшением,

мне нужно было решиться на то, чтобы остричь их вновь. Глубоко вздохнув, и зажмурившись чтобы не передумать, я поднесла ножницы к первой пряди, когда услышала с порога окрик Вика:

– Отрежь хоть волосок, и я придушу тебя собственными руками!

Ему легко говорить, а мне-то что делать? Как оказалось, мой благоверный всё же нашёл решение проблемы. Зайдя к местному парикмахеру, он приобрёл у него парик из натуральных волос каштанового цвета, из тех, что тот изготавливал для престарелых джентльменов, не желающих мириться с возрастом и потерянными шевелюрами.

Примерив на себя это "безобразие" и переодевшись в приобретённый по этому случаю мужской костюм, я превратилась в весьма симпатичного юношу. Как ни странно, тёмные волосы парика, прекрасно оттеняли мои природные голубые глаза. Вот только что делать с чересчур нежным для юноши лицом? Пришлось подрисовать подходящим карандашом тоненькие пижонские усики.

Гм... Не удивительно, что секретарша запала на меня. Я бы и сама, на её месте, непременно обратила бы внимание на такого «красавца». И всё бы ничего, если бы не три обстоятельства: голова под париком ужасно чесалась, грудь, которую пришлось крепко перебинтовать, с непривычки болела, а ноги, вынужденно обутые в мужские ботинки, да ещё с насованными в них тряпками, чтобы не спадали, всё время за что-то цеплялись.

Хотя, я понимала, что все эти неудобства ничто по сравнению с теми, что придётся выносить в пустыне. В том случае, конечно, если председатель всё-таки одобрит мою кандидатуру на место жокея.

Как ни странно, вопреки всем нашим страхам, никто так и не догадался о том, что юноша, которому все желали успеха в скачках и крепко пожимали руку, на самом деле молодая женщина. С лёгкой руки Виктора, и имечко у меня было самым что ни на есть подходящим – Чарли Баттон.

Подготовив все необходимые для отъезда документы, уже через несколько дней мы отходили от пристани на борту трёхпалубной "Колумбии", следующей до Аннабы, крупнейшего порта на севере Алжира.

Глава 4

Полуторамесячное плавание на борту межконтинентального судна, оказалось не таким уж и романтическим, как нам изначально представлялось. Уже к третьему дню путешествия морская качка свалила более половины пассажиров, среди которых оказался и мой муж. Бедняга обессилел настолько, что с трудом поднимал голову с подушки. Мне приходилось заботиться обо всём самой.

Наблюдатели, приставленные комитетом, должны были присоединиться к нам уже в самой Бискаре, поэтому на борту судна отпадала необходимость в моей конспирации. Тем не менее, я, в отличие от многих пассажиров, предпочитала уединение каюты вместе с Виком, трапезам в обществе капитана и команды.

Для Мухиба, по специальному разрешению, был отведён небольшой закуток недалеко от багажного отсека. Счастливчик. Ни морская болезнь, ни отсутствие аппетита, ему не грозили. Трижды в день, я, стараясь не привлекать особого внимания, пробиралась к нему, чтобы накормить и напоить. Расчёсывая его мягкую гриву, я взяла за обыкновение делиться с ним всем происшедшим за день, своими переживаниями, надеждами. Глядя в его умные глаза я каждый раз читала в них понимание. А это, мне сейчас было ох, как необходимо.

Дни сменялись один за другим. Вик потихоньку начал поправляться и уже не испытывал жесточайших приступов тошноты всякий раз, когда качка усиливалась. Правда, на все мои уговоры покинуть каюту и выйти подышать чистым свежим воздухом, он отвечал отказом, ссылаясь на слабость и головокружение.

* * *

Незнакомец стоял на капитанском мостике, и, делая вид что невероятно увлечён морской нудятиной, что ему уже с полчаса рассказывал пожилой капитан, внимательно следил за хрупкой фигуркой, которая ухватившись за довольно увесистый мешок, упорно тянула его в сторону заграждений.

"Интересно, кто она?" – Он уже не первый раз наблюдал за ней. Предпочитая уединение каюты, она трижды в день появлялась на нижней палубе, волоча за собой мешки. Зачем они ей?

Отсюда, с высоты, было трудно разглядеть её лицо, однако порывистость, скользившая в каждом её движении, позволяла предполагать, что речь шла об очень юной особе.

– Готов побиться об заклад, что ей нет ещё и двадцати, – пробормотал он, не замечая, что произнёс это вслух.

– Простите, вы что-то сказали? – Капитан прервал свой "увлекательный" монолог и взглянул на собеседника.

Мужчина понял, что сглупил, однако, не желая давать повод капитану думать, что его болтовня не интересна, нашёлся с ответом:

– Да вот... пытаюсь представить масштабы услышанного. Но, честно говоря... – он, словно от избытка чувств, лишь развёл руками.

– Вы совершеннейше правы, мой друг. Представить довольно сложно. И, тем не менее, возраст вы почти угадали. Пятнадцать! Да-да, я уже пятнадцать лет плаваю на этой красавице, и, поверьте, каждый раз взойдя на борт, радуюсь, как мальчишка! – Восторгу капитана не было предела.

Продолжая кивать на болтовню капитана, собеседник попытался отыскать глазами белокурую головку, но знакомка уже ушла.

Жаль. Он хотел бы узнать её поближе.

* * *

Вечерние сумерки – моё любимое время суток. Все заняты лишь собственными делами: кто-то ужинает с капитаном, иные проводят время в музыкальном салоне, прочие играют в карты, и, возможно кому-то сегодня повезёт, и он унесёт в свою каюту весьма солидный куш.

Я же, позаботившись обо всех нуждах Вика, могла, наконец, уделить время своему любимцу. Напоив как следует и ссыпав в кормушку овса, я, по обыкновению вооружившись щёткой, принялась расчёсывать его гриву и "петушиный" хвост. Почему петушиный? Дело в том, что хвост является одной из главных отличительных черт арабского скакуна. Во время быстрого бега "арабы" высоко поднимают его так, что он действительно напоминает петушка. Хотя, это не единственное отличие "арабов" от других пород. Ещё одним признаком является уникальный вогнутый профиль, строение которого определяется особенностями скелета. По своему виду он напоминает щуку.

Закончив расчёсывать, я отложила в сторону щётку, и, усевшись на небольшой подстилке, принялась рассказывать коню о том, как прошёл мой день. Я делилась с ним своими переживаниями о самочувствии Вика, о том, как важно нам победить в забеге, а также о том, в чём никогда не призналась бы ни единой человеческой душе. Я мечтала о любви. Настоящей, всепоглощающей. Когда не ешь, не спишь, а лишь живёшь минутами, проведёнными рядом с любимым. С Виком, к сожалению, такого не было. Я любила его всем сердцем, но только как друга.

Я продолжала свои излияния, когда вдруг неожиданный шорох в глубине заграждения дал мне понять, что мы не одни. Испугавшись, я запаниковала, и забыв обо всём на свете, рванула прочь.

Лишь заперев дверь каюты и дав сердцу немного успокоиться, я поняла, что забыла на полу дёгкую шаль, которую обычно накидывала на плечи прохладными вечерами.

Однако, когда я с рассветом проскользнула к коню, пропажи нигде не обнаружила.

Глава 5

Поглаживая мягкую шелковистую ткань, пахнущую едва уловимым ароматом жасмина, он застыл в ожидании. Ежедневно, в это самое время, таинственная пассажирка появлялась на палубе. Вчера, проследив за ней, он, наконец, узнал, что она навещает коня, а услышав обрывок речи, понял, что девушка отчаянно нуждается в любви. Он готов был ей её предложить. По крайней мере, физическую её часть. Однако стоило ему сделать по направлению к ней пару шагов из своего укрытия, как незнакомку словно ветром сдуло. Единственное, что напоминало о её недавнем присутствии, это шаль, которую она в спешке обронила.

Повинуясь внезапному порыву, он поднёс ткань к носу. Нежный женский аромат окутал его словно вуалью, рождая откровенно чувственные желания. Он думал о ней. Всю ночь. И теперь, после полудня, когда она вновь должна была навестить коня, он словно мальчишка, сжимал в руке кусок ткани, как пропуск, благодаря которому, собирался проникнуть в тайны, окружающие незнакомку.

Инстинктивно он почувствовал её появление, и резко обернулся в ту сторону. Каково же было его разочарование, когда он понял, что она была не одна. Девушка опиралась на руку довольно приятного, но несколько измождённого на вид молодого человека. Он выглядел так же, как и половина экипажа, большую часть пути страдающая морской болезнью.

Она не одна! Мужчина понял всё по взгляду, каким спутник смотрел на неё. Нежность, светящуюся в его глазах, нельзя было спутать ни с чем. Он любил её.

Находясь довольно близко от проходящей мимо, но совершенно не замечающей его пары, незнакомец, наконец, смог её разглядеть. Да, она была именно такой, какой он её себе представлял: нежное личико в форме сердечка, обрамлённое роскошными, белокурыми, слегка вьющимися локонами, выбившимися из несколько небрежной причёски. Маленький аккуратный носик, пухлые губки, зовущие к поцелуям. Но главным, на его взгляд, её достоинством, помимо, разумеется, точёной, удивительно пропорциональной фигурки, были глаза. Огромные, голубые как небо в ясную погоду, они, казалось, были отражением её души, светлой и прозрачной.

Судорожно сжимая в руках шаль, он никак не мог решиться сделать шаг навстречу тем двоим. Но вот, она, смеясь какой-то шутке своего спутника, приподнялась на цыпочках и совершенно естественно чмокнула его в губы. Это решило всё. Они связаны. Ни одна девушка не стала бы целовать в губы мужчину, который не был бы ей мужем или женихом.

Он опоздал. Разочарование накрыло с головой. Сам не понимая причины своего следующего поступка, он резким движением сунул ткань в карман льняного пиджака и, резко повернувшись, широким шагом покинул нижнюю палубу. Хорошо, что плавание уже подходит к концу. Он сойдёт на берег и вернётся к той жизни, что вёл прежде.

Так, он скорее забудет и о незнакомке, и том, какие чувства она в нём вызвала.

* * *

Всё было просто замечательно. Мне удалось уговорить Виктора покинуть душную каюту и отправиться вместе со мной к Мухибу. Прогулка благотворно сказалась на нём. Бледные впалые щёки порозовели, глаза приобрели блеск. Я поняла, как мне сильно не хватало его такого. Радуюсь, как дитя я, совершенно позабыв о том, что мы, возможно, не одни, поцеловала его прямо в губы. От смущения он зарделся ещё сильнее. В ответ я счастливо рассмеялась. Жизнь прекрасна! Скоро наше плавание подойдёт к концу, и мы, пересев на верблюдов, которых местные жители поэтично называют "кораблями пустыни", продолжим путешествие уже верхом, останавливаясь на ночлег в местных караван-сараях. Правда, теперь мне нужно будет стать крайне осторожной, и, переодевшись в мужской костюм, стоически терпеть местную жару, чтобы ни единая душа не догадалась о том, кто я на самом деле.

Ну, а пока, можно было расслабиться, и мы, словно дети, провели полдня на палубе, подбрасывая кусочки хлеба вверх, и глядя как чайки подхватывают их на лету.

* * *

В порту Аннабы царило оживление. Пассажиры, радуясь тому, что живыми и невредимыми добрались до суши, не дожидаясь особого приглашения от капитана, стремительно покидали судно. Военный оркестр, любезно предоставленный расположенным здесь французским гарнизоном, наигрывал веселый мотив, давая понять прибывшим, что гостеприимный африканский оазис рад их прибытию. Чернокожие носильщики, согнувшись едва ли не до земли, сновали туда и сюда, таща поклажу вдвое, а иногда и втрое, тяжелее собственного веса, а всевидящие надзиратели, будучи всегда начеку, плётками заставляли их поторапливаться.

Мужчина стоял на капитанском мостике и, лениво облокотившись о штурвал, скучающим взглядом следил за отбывающими. Его поездка ещё не окончилась. До ближайшего порта, где он высадится на берег, не менее недели. И он уже не мог дождаться той минуты, когда сможет вернуться домой.

Случившаяся неразбериха внизу, внезапно привлекла его внимание. Трое матросов никак не могли справиться с начавшим нервничать жеребцом. Прекрасное животное наотрез отказывалось подпускать к себе кого-либо.

"Наверняка, это тот самый конь, который принадлежит той блондинке", – оживившись, он принялся выискивать в толпе знакомую фигурку. Девушки нигде не было.

"Гм... как странно... Конь здесь, её спутник тоже... Где же она?" – Не отдавая себе отчёта, он подскочил к самым поручням, чем весьма удивил стоявших рядом собеседников. Вытягивая шею, он тщетно вглядывался в каждый женский силуэт, но безрезультатно.

Тем временем, конь, раскидав матросов по сторонам, грозил учинить беспорядок. Внезапно, какой-то паренёк, до этого времени находящийся в тени, видя, что без его вмешательства не обойтись, подскочил к жеребцу и, решительно взяв того под уздцы и что-то шепча ему на ухо, повёл по сходням вниз.

Что-то было в том парнишке... В наклоне головы... Несмотря на тёмные, короткие волосы и тоненькие усики, которые можно было рассмотреть даже с такого расстояния, какая-то неестественность присутствовала в каждом его жесте. Но вот парнишка поднял голову, и прощальным взглядом окинул судно.

– Чёрт побери! – Пассажир подскочил на месте. – Это же она!

Глава 6

Корабли пустыни?! Серьёзно?! Интересно взглянуть в лицо тому горе-поэту, который сравнил этих душетрясов с кораблями. Я, которая стойко вынесла полуторамесячное путешествие по воде, готова была завывать от отчаяния уже на вторые сутки "плавания" по суше. Под палящим солнцем меня, закутанную и забинтованную, да ещё и в этом адском устройстве – парике, под которым голова самым жестоким образом потела и чесалась, укачивало и мотало из стороны в сторону на спине двугорбого проклятия. Бросив взгляд на сжавшего зубы Вика, я поняла, что не одна испытываю желание кого-нибудь придушить.

Решение проблемы пришло, само собой. Остановившись на отдых неподалёку от восточного базара, где местные аборигены втридорога продавали шедевры собственного прикладного искусства, я увидела то, без чего не мог обойтись ни один уважающий себя житель пустыни.

И тут началось...

Сначала мне пришлось целый час руками, ногами, глазами объяснять низкорослому продавцу, что именно и зачем мне нужно. Затем, в течение ещё полутора часов, уговаривать Вика надеть то, что арабу в радость, а европейцу – смерть.

В итоге победила жара. Сдавшись и перестав ворчать, Вик согласился переодеться в джаллябию – традиционную арабскую одежду в виде длинной, до щиколоток, белой полотняной рубахи с длинным рукавом, накинув поверх неё такого же цвета бурнус. Сломив сопротивление, я с чистой совестью переделась в такую же одежду, сразу же почувствовав себя гораздо лучше. Стянув ненавистный парик, я обмотала голову шарфом – куфией, неизменной частью одежды кочующих по пустыне бедуинов. В жарких странах такой головной убор, сшитый из плотной натуральной ткани, поистине незаменим. Закрывая лицо, куфия спасает кочевников не только от солнца, но и от песка, который вздымается неистовой метелью во время песчаных бурь.

Ну а мне, так сам бог велел. Просторные одежды позволяли излишне не затягиваться бинтами, и я могла вдоволь дышать полной грудью.

Бросив взгляд на чересчур резвящегося и довольного Мухиба, которого вёл на поводу нанятый нами работник, я решила, что раз шиковать, то уж по полной программе. Продав по сходной цене свой горбатый "корабль", я, как истинный бедуин, пересела на коня.

Африка – континент полный загадок и нераскрытых тайн. Под стать ему совершенно непредсказуемый здешний климат, когда днём ты просто погибаешь от жары, а ночью едва не становишься жертвой невыносимого холода.

Закрыв куфией лицо, оставив открытыми только глаза, я могла беспрепятственно наблюдать за всем происходящим вокруг. Вопреки моим представлениям о том, что улицы заполнены арабскими женщинами в разноцветных одеждах, действительность оказалась совершенно иной. Женщин на улицах почти не было. Лишь изредка встречались спешащие по делам закутаные во всё чёрное фигуры. Как мне объяснили, арабские женщины сидят дома, и, в отличие от нас, западных женщин, они не работают. Всю тяжёлую и грязную работу вплоть до закупок продовольствия, уборок территории, по большей части готовок, и так далее занимались мужчины.

Всё было таким странным, непривычным, чуждым... и совершенно потрясающим.

Несколько дней пролетели как сон, и, вот мы уже въезжаем в Бискару, или Бискру, как её называли местные.

Являясь важнейшим французским военным постом в Сахаре, Бискара была невероятно укреплена, являя собой настоящую цитадель. Расположенная на южном склоне Орских гор, она являлась самым жарким местом алжирской Сахары.

Остановившись у гостиницы с поэтическим названием "Восточная сказка", мы встретились с приставленными к нам членами конного комитета, которые выполняя условия контракта, забронировали нам номера. Да, вы не ослышались, номеров было два, ибо, как бы мы с Виком объяснили окружающим тот факт, что двое мужчин проживают под одной крышей? И, надо признать, это было потрясающе. Впервые за всю мою жизнь мне не приходилось ни с кем делить ни кровати, ни комнаты.

Так, как Бискара являлась своеобразным городом-оазисом, то проблема с водой, здесь особо не замечалась. Попросив принести мне воды для ванной, я с удовольствием принялась смывать с себя пыль и пот – последствия длительного путешествия по пескам.

До скачек оставалось два дня, и на завтрашнее утро была запланирована встреча с представителями организационного комитета, с целью обозначения маршрута предстоящего забега.

Ну, а после расслабляющей ванны и достаточно вкусного ужина, принесённого прямо в номер, я почувствовала, как меня неудержимо клонит в сон.

Лёгкий ветерок, проникающий сквозь открытое окно и колышущий лёгкие занавески с причудливым восточным орнаментом, приятно освежал лицо и тело, прикрытое лишь тонкой простыней.

И вдруг я увидела его... Вы скажете, что я сошла с ума. Что же, возможно, вы правы. Но, я видела его! Так же чётко, как если бы он находился прямо передо мной.

Да, он был лишь сном, но, зато каким реальным! Чёрные, как ночь глаза, словно два омута засасывали меня в свою глубину. Сопротивляться не было никаких сил. Вялый, предательский голосок о том, что у меня, вообще-то за стенкой спит муж, не действовал. Всё моё естество тянулось к нему. В попытке прикоснуться, я протянула руку, но поймала лишь воздух.

Рывком вскочив на постели, я открыла глаза. Холодный пот выступил на лбу. Что это было? Засветив лампу, я оглянулась по сторонам.

В номере никого, кроме меня не было.

* * *

Он следил за ним уже не один час. Жирный, самодовольный, тот доводил наёмных работников до полного истощения, безжалостно эксплуатируя их труд и зверски издеваясь над ними. А затем он выбрасывал их на улицу, не удосужившись заплатить ни единой монетки. И вот сейчас, он спускал в карты сумму, на которую можно было прокормить целую деревню.

Полковник Растиньяк утробно расхохотался, когда в последний момент сорвал банк. Да, что ни говори, но сегодня его ночь! Он показал этим сосункам как играет бывалый солдат!

Однако уже поздний час и не мешало бы выспаться как следует. Чёртов генерал-губернатор, этот местный царёк шейх Харун бин Халиль, устраивал гонки на лошадях, и ему, полковнику, нужно было привести гарнизон в полную боевую готовность, дабы обеспечить безопасность прибывающих иностранных делегаций.

Опрокинув в себя содержимое глиняной кружки, он тяжело поднялся, кивнув напоследок неудачникам-игрокам и, сгребя в карман свой выигрыш, на нетрезвых ногах направился к выходу.

Выйдя на улицу, он глотнул свежего воздуха, и, почувствовав, как хмель начал отступать, уже более решительно завернул за угол, где тут же наткнулся на приставленный к груди кинжал:

– Кошелёк или жизнь! – На чистом французском, произнёс разбойник.

– Что? Да ты... – Растиньяк впал в ярость. Побагровев, он бросился на того, за кем охотился уже не один год. Да, нет никаких сомнений, это тот самый "Месье Фантом", этакий Робин Гуд местного масштаба, который, нападая на зажиточных граждан и офицеров форты, лишал их приличных сумм денег и драгоценностей, раздавал всякому нищему сброду.

Но, не на того напал! Растиньяк и не таких ломал голыми руками. Бросившись на обидчика, он совершенно не ожидал того, что удар в челюсть, который тот с ходу ему нанесёт,

отправит его прямёхонько в нокаут. Сделав пируэт и взмахнув одновременно всеми конечностями, Растиньяк тяжело повалился на землю, взметая вверх столб песка и пыли.

– Черт, больно! – Пробормотал разбойник, потирая ушибленный кулак. Челюсть у этого французского медведя просто каменная. Как бы то ни было, медлить нельзя. В любую секунду может появиться кто-нибудь и застать его здесь. Не теряя времени, он решительно обчистил карманы пребывающего в блаженном сне вояки и исчез в ночи.

– Au revoir! – Из темноты донёсся его довольный смех.

Глава 7

Уж не знаю, то ли всему виной мой странный сон, то ли усталость, а может и волнение перед предстоящим забегом, но до утра, я так и не сомкнула больше глаз. Если бы не страх наткнуться на какого-нибудь зеваку в коридоре, я непременно проскользнула бы в номер Вика. Прижавшись к его боку, совсем, как и в детстве, я обычно мгновенно засыпала. Но, только не в этот раз.

Перед самым рассветом голос муэдзина, произносящего азан, и созывающего всех мусульман на утреннюю молитву, поднял меня с постели окончательно. Переодевшись в мужское платье и не забыв обвязать голову куфией, прикрыв часть лица, я отправилась в конюшню, чтобы самолично покормить своего коня. Там, спустя сорок минут, меня разыскал Виктор. Как оказалось, он также не мог уснуть. Всю ночь его мучили кошмары, в которых его убивали какие-то люди. Посмеявшись над глупыми страхами мужа и назвав его паникёром, я уговорила его вернуться в отель позавтракать, так как через час, нам назначена была встреча с организаторами.

Помещение, в котором собрались участники, было достаточно просторным, чтобы вместить такое огромное количество людей. Представители более чем двадцати стран изъявили желание побороться за приз. Ещё бы, когда на кону такая куча деньжищ!

Начальник форта полковник Огюст де Растиньяк, обладатель весьма внушительного размера живота и, как оказалось, не менее раздутого самомнения, на протяжении полутора часов подробнейшим образом излагал весь предстоящий маршрут.

На пробег предположительно было выделено около трёх недель. Чтобы попасть из Бискары в Аль-Зирву – следующий этап путешествия, прежде надлежало обогнуть Орские горы, что протянулись в пустыне на многие мили. Затем следовало проскакать через Сахару до населённого пункта Фарраджа, а оттуда, почти без остановки, до оазиса Аль-Сиррун, что в переводе с арабского означало "тайный". А это значит, что перед тем, как делать там привал, этот чёртов оазис ещё нужно было найти. Ну, а от него, вновь по пустыне, уже до Аль-Хамсы – деревушки, расположенной в ущелье между пятью скалами. Отсюда и её название – Хамса, по-арабски – пять.

Все слушали, одобрительно кивая. Уверена, многие и понятия не имели, с какими трудностями нам придётся столкнуться в пути. Признаюсь, я и сама тогда этого не сознавала.

Закончив говорить, Растиньяк обвёл тяжёлым взглядом заплывших глаз всех собравшихся, словно бы проверяя, достаточно ли у нас мужества, чтобы рискнуть на подобное приключение. Он повернулся, и я увидела огромный фиолетовый синяк на левой половине его лица.

Ух ты, кто это его так? Видать, отважившийся на это, редкий смельчак, если осмелился пойти против подобной скалы.

Мы уже собирались расходиться, когда наше собрание почтил своим приходом Его Превосходительство губернатор Бискары, а по совместительству ещё и главный организатор соревнований шейх Харун бин Халиль.

Как и все представители его народа, он был одет в просторные, белые с золотом одежды, которые, впрочем, не скрывали его немногим меньший, чем у Растиньяка живот. Чёрные, как и у большинства арабов, глаза под нависшими кустистыми бровями, орлиный нос и пышная борода не добавляли ему особой привлекательности. Его цепкий взгляд одного за другим ошупывал каждого из нас, заставляя невольно съёживаться от неприятного ощущения. Он, словно людоед, приглядывался к собравшимся, выбирая себе кандидата на ужин.

Когда его тяжёлый взгляд остановился на мне, я сжалась от ощущения страха. Ну вот, он сейчас поймёт, что я женщина, а потом меня либо дисквалифицируют, либо, в худшем случае, закидают камнями.

Но нет, его взгляд лишь равнодушно скользнул по мне и остановился на другом участнике.

Фуф! К тому времени когда мы, наконец, вышли из здания форта, я чувствовала себя так, как, наверное, чувствует себя выжатый лимон.

Завершив последние приготовления перед завтрашним забегом и побродив немного по городку, мы отправились в единственный в форте питейный дом, где, помимо того, что неплохо кормили европейской и местной едой, можно было посмотреть на экзотические танцы живота в исполнении восточных красавиц.

В помещении, в котором мы оказались, было сильно накурено и пахло сразу всем: запахи невымытых потных тел смешивались с ароматами горящих благовоний, сигар и пряной еды. Кое-как справившись с желанием немедленно покинуть сие заведение, чему способствовали протестующие урчания в наших желудках, мы с Виком устроились за маленьким столиком в углу, недалеко от сцены, где танцовщицы в прозрачных, разноцветных одеждах, призывно поводя под аккомпанемент восточных инструментов всем телом, развлекали мужчин, обещая незабываемое наслаждение за определённую плату.

Стараясь особенно не глазеть по сторонам, опасаясь привлечь к себе излишнее внимание, я сосредоточилась на еде, которую нам принёс услужливый мальчишка. Должна признать, что местная кухня оказалась на удивление вкусной. Мясо, приготовленное на углях, буквально таяло во рту, а вино, поданное в специальных глиняных кубках, было удивительно прохладным в такую жару и очень приятным.

Не прошло и десяти минут, как я почувствовала себя прилично захмелевшей. Откинувшись на спинку стула, я, на половину развернувшись к сцене, лениво наблюдала за тем, как одна из танцовщиц, в ходе танца, постепенно избавлялась от покрывал. Одно за другим, прозрачные покровы падали к её ногам, под разгорячённые взгляды и подбадривающие крики мужчин.

Почувствовав, как краснею, я перевела взгляд на Вика. Ну вот, и этот туда же. Мой целомудренный дурачок, вместо того, чтобы оказывать знаки внимания мне, своей жене, раскрыв рот, пьяными глазами восторженно воззрелся на обнажённую красоту.

Вот ведь болван! Не выдержав, я довольно ощутимо пнула его ногой под столом. Лишь на миг, он повернулся ко мне, а затем вновь устремил горящий взгляд на сцену.

А затем, случилось то, что навсегда изменило мою дальнейшую жизнь.

Глава 8

Он вошёл в душное помещение. Вообще-то, он предпочитал не выходить днём на улицу, но Муса настаивал на встрече, мотивируя это тем, что попал под подозрение военных и должен немедленно убираться из Бискары. Мусу он увидел почти сразу же. Несмотря на то, что тот старательно прятал лицо, Фантом сразу же его узнал. Не теряя ни минуты, он протиснулся к столику друга и опустился на единственный свободный стул.

– Что-то ты припозднился, друг мой. Что задержало тебя? – голос Мусы звенел от напряжения. Судя по всему, гарнизонные подобрались совсем близко.

– Прости. Сам понимаешь, конспирация...

Договариваясь о деталях очередной встречи, Фантом внимательным взглядом окидывал помещение, уже чисто по привычке оценивая посетителей, выбирая очередную жертву. Его внимание привлекли неожиданно раздавшиеся возмущённые возгласы, и Фантом машинально посмотрел в сторону сцены.

Какой-то пьяный алжирец, совершенно потерявший над собой контроль, влез на сцену, где самым мерзким образом принялся лапать танцовщицу. Девушка взвизгнула и попыталась вырваться, но силы были не равны.

Такие происшествия не были редкостью в Бискаре. Они происходили сплошь и рядом. Многие посетители, уже успевшие привыкнуть к подобным зрелищам, лишь лениво наблюдали за происходившим. Результат был очевидным: девушка сдаётся грубой силе, и уже завтра, как ни в чём не бывало продолжит выступление.

Фантом вновь повернулся к Мусе, когда внезапный шум дал понять, что что-то пошло не так.

Какой-то чужестранец, одетый в арабское платье, плохо знакомый со здешними обычаями, решил проявить благородство и вступить за несчастную девушку. Выкрикивая что-то пьяным голосом, он пытался голыми руками справиться с сыном пустыни.

Так, минуточку... Его акцент... Он американец!

Словно решая какую-то головоломку, Фантом принялся внимательно оглядываться по сторонам, взглядом выискивая его возможных спутников. Но ему помешала, поднявшаяся суматоха. Кое-как оттащив насильника от девушки, американец не удержался и вместе с противником рухнул на ближайший столик. Тарелки и их содержимое разлетелись в разные стороны. Посетители, на чей обед так бесцеремонно покусились, повскакивали с мест. Завязалась драка. Уже через несколько минут, в ней участвовали все посетители заведения.

Пытаясь добраться до американца, Фантом изо всех сил работал кулаками и локтями. Он узнал его. Это был он, тот самый, что сопровождал таинственную блондинку на корабле. Наверняка и девушка где-то поблизости. Нужно было сделать всё возможное, чтобы вытащить их отсюда целыми и невредимыми. Будучи чужеземцем, мужчина попросту не знал диких законов этих мест и того, что человеческая жизнь здесь не стоила и ломаного гроша.

Едва успев увернуться от занесённого над ним стула, Фантом лишь на миг отвлёкся на нападавшего и не заметил высоко занесённого лезвия. Раздался истошный вопль.

Повернувшись туда, откуда донёсся крик, он увидел, как будто в замедленном кадре опускается на землю тело американца, в груди которого торчал огромный кинжал.

Драка, как по команде, стихла. Посетители, зная, что уже через несколько минут здесь окажутся военные, в спешке покидали помещение. Фантом разрывался между желанием броситься вслед за убегающими и кинуться к раненному. Он успел достаточно повидать на своём веку, чтобы смело утверждать, что с такими ранами не выживают. Бедняге уже ничем нельзя было помочь.

Но тут произошло кое-что, отчего волосы на голове Фантома встали дыбом. Какой-то мальчишка, точно лишившись рассудка, с криком набросился на убийцу. Повиснув у того на шее, он пытался всеми силами помешать ему скрыться с места преступления. С остановившимся сердцем Фантом узнал в обезумевшем юнце ту самую девушку, мысли о которой не покидали его ни на миг все последние дни. Позабыв об осторожности, он кинулся к ней и, как оказалось, вовремя. Рывком сбросив девушку на землю, убийца вновь занёс клинок.

Сродни раненному зверю Фантом ринулся на врага, отвлекая его внимание на себя. Выхватив из-за пояса кривой нож, он подобно своему сопернику, выжидал удобного момента, чтобы нанести удар.

Кружась, и периодически делая выпады в сторону противника, Фантом краем глаза успел заметить, как девушка, подползла к своему спутнику и, положив его голову себе на колени, склонилась над ним. Её рыдания разрывали ему сердце. Выпад, ещё... Улучив момент, он по самую рукоять вонзил лезвие в грудь убийцы. По случайности в то же самое место, в какое тот поразил несчастного американца.

Поверженный враг рухнул. Времени практически не оставалось. Крики и топот сапог приближающихся военных, лишали его возможности поговорить с девушкой, помочь ей. Лишь на секунду он опустился возле неё, побуждая взглянуть на него.

Она подняла полные боли, затуманенные от слёз глаза. Их взгляды встретились. Словно электрический разряд прошёлся по телу Фантома. Да, это была она. Ещё прекрасней, чем он помнил, несмотря на мужское платье и покрасневшее от слёз лицо.

Чья-то рука опустилась на его плечо. Муса, который уже почти добежал до дверей, не мог оставить друга одного. Солдаты были уже совсем близко, и, если Фантом попадёт к ним в руки, расправа будет короткой: сначала, ему за воровство отрубят руку, а затем, по военным законам, вздёрнут на первом попавшемся дереве.

Побуждая к действиям, Муса, чуть ли не силой вытолкнул друга через чёрный ход, как раз в тот самый момент, когда помещение наводнили прибывшие солдаты.

Глава 9

Господи! Как такое могло произойти? Я всё время думаю об этом, и никак не могу найти ответа.

Всё было нормально. Мы сидели, трапезничали, смотрели на исполнительниц танца живота. Но, в какой-то момент что-то пошло не так.

К одной из танцовщиц начал приставать крайне отвратительный на вид тип. Мне стало жаль бедняжку. Женщина в этих местах ценится дешевле любого домашнего животного. Её могут продать, выгнать из дома, убить, и никто, ни единый человек, не заступится за неё. Всё, что им бедняжкам остаётся, это терпеть и покорно ждать своего конца. Вот и сейчас, когда насильник прилюдно унижает несчастную, ни один мужчина не поднялся со своего места, чтобы вступить за неё.

Я повернулась к Вику, чтобы предложить немедленно покинуть это заведение, когда поняла, что его нет на месте. Не понимая в чём дело, я принялась озираться по сторонам, чтобы определить, куда мог запропасться мой благоверный.

Шум справа от меня ответил на мой вопрос. Увидев своего нетрезвого мужа сцепившимся с огромным детиной, я почувствовала, как земля уходит из-под ног. О чём он только думает? Вот ведь дуралей! Как истинный джентльмен, он решил заступиться за честь дамы.

Тем временем, схватка приняла массовый характер. Все присутствующие, как по команде, принялись бить морду друг другу. Забившись в уголок, я мечтала о том, чтобы меня, по ошибке приняв за мужчину, не отлупили бы под горячую руку. Как-никак завтра у меня ответственный день, и я должна быть в отличной форме.

Я пыталась придумать способ как бы вытащить Вика из общей свалки, когда сверкающее лезвие занесённого над моим мужем клинка лишило меня возможности двигаться. Всё словно замерло. Время остановилось. И только Вик с лезвием в груди, подобно мраморной статуе падает на землю.

Кто-то закричал. Теперь, спустя время, понимаю, что кричала я. Свалка мигом прекратилась. Кто-то, кажется хозяин, побежал за солдатами.

На неожиданно ставших ватными ногах, я пыталась добежать до истекающего кровью Виктора, когда моё внимание привлёк его убийца, пытающийся сбежать с места преступления.

Ну нет! Врёшь, не уйдёшь!

Забыв об опасности, бывшая приютская воспитанница, исполненная решимостью во что бы то ни стало наказать убийцу, бросилась прямо на него. Мне удалось ухватиться за его шею и повиснуть на ней. Я даже пыталась его душить, но что такая, как я, может сделать с таким, как он? Громила сбросил меня вниз как пушинку. Всё, что я помню о том миге – это блеснувшее лезвие второго кинжала, занесённого надо мной.

А потом, случилось что-то уж совершенно странное. Кто-то бросился между мной и убийцей. Воспользовавшись тем, что бьющиеся не на жизнь а насмерть позабыли обо мне, я из последних сил подползла к Вику. Я молилась, чтобы не было поздно. Но, всё оказалось зря. Голова, покоящаяся на моих коленях и уставившаяся в небо остекленевшими глазами, уже не принадлежала живому человеку. Вик был мёртв.

Спазмы сжали горло. Слезы обжигали глаза, лицо... Я судорожно прижимала к себе безжизненное тело, передавая своё тепло начинающему остывать единственному родному мне человеку. Всё происходящее было похоже на страшный сон, и я отчаянно пыталась проснуться. Но, пробуждения не было.

Я вздрогнула, почувствовав прикосновение к себе. Подняв голову, встретила с тёмными глазами своего защитника. В них была боль. Он, словно бы разделял её со мной.

Я плохо помню его лицо. Из-за слёз всё было словно в тумане. Только эти глаза... Тёмные, глубокие, невероятно тёплые.

Он положил руку на мою, покоящуюся на груди мужа, и слегка сжал её. Его губы шевельнулись, как если бы он пытался мне что-то сказать. А потом, он исчез.

Через пару мгновений помещение заполнили солдаты.

* * *

Он последними словами проклинал себя за то, что поддался уговорам Мусы и оставил девушку одну. Торопясь покинуть место происшествия, он закоулками выбирался из города.

Проклятье! Что же с ней теперь будет? Когда все узнают, кто скрывается под одеждой юноши, ей будет грозить огромная опасность. Разумеется, участие в гонках отпадает, само собой. И, что тогда? Молодая, красивая, сломленная горем женщина, она станет лёгкой добычей для всех желающих. В лучшем случае, её сразу же убьют. А, в худшем... Заставят работать в каком-нибудь публичном доме, которых здесь в Алжире не мало. Да и за европейцев местные мужчины готовы платить огромные деньги.

Этого допустить было нельзя. Срочно нужен был какой-нибудь план.

Полный решимости помочь девушке любой ценой, он нырнул в скрытый от посторонних лаз в стене.

Глава 10

Это был конец. Конец всему. Радости и веселью, счастливой семейной жизни, мечтам о спокойной старости вместе с мужем в собственном, светлом, наполненном детьми и внуками доме. Всё исчезло в одночасье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.